

Моль из Мольера

«Тартюф» Габора Жамбеки в Петербурге

фестиваль театр

Коммерсантъ. — 2003 — 18 окт. — с. 8.

«Тартюф» (Ерне Фектер) в постановке Габора Жамбеки — не хилый святоша, а браваый сотрудник спецслужб ФОТО ЕВГЕНИЯ ПАВЛЕНКО

Проходящий в Санкт-Петербурге фестиваль Союза театров Европы перевалил за половину. Почетное центральное место в рассчитанной больше чем на месяц программе феста было отдано Театру имени Йожефа Катоны из Будапешта. Дело в том, что постановщик спектакля «Тартюф» и руководитель этого знаменитого венгерского театра Габор Жамбеки по совместительству является президентом Союза театров Европы. Президентский театр разочаровал РОМАНА ДОЛЖАНСКОГО.

Больше десяти лет назад Театр имени Катоны был на гастролях в Москве. Венгры привозили тогда «Три сестры» в постановке Тамаша Алпера и «Ревизора» Габора Жамбеки. Гоголь господина Жамбеки был живым, свежим и остроумным: действие происходило в подсобном помещении какой-то ударной стройки социализма, актеры играли задорно и бесшабашно, московские зрители веселились от души. «Боже, боже, что делает с людьми время!» — только и оставалось глупо вздыхать, сидя в зале театра «Балтийский дом» на спектакле Габора Жамбеки «Тартюф». За прошедшие годы известный венгерский режиссер остепенился и изрядно потяжелел. Конечно, должность президента Союза театров Европы накладывает известные обязательства — ведь на этом посту господин Жамбеки пять лет назад сменил не кого-нибудь, а покойного маэстро Джорджо Стрелера, но высокий пост не обязывает ставить откровенно скучные спектакли.

Впрочем, известная тусклость рисунка, очевидно, входила в замысел режиссера. «Тартюф» намеренно сделан так, чтобы производить впечатление Мольера, изрядно траченного молью. Костюмы актеров будто бы извлечены из какого-то закулисного сундука и больше похожи на тряпки из свалок секонд-хенда: эпоха смазана, но пылин в одеждах, наверное, предостаточно. Декора

рации вроде бы тоже, что называется, из подбора — ободранные части старых сценических павильонов. Некоторые повернуты зрителю вообще изнанкой, другие — несвежей голубой краской, на закругляющейся в кулисы широкой лестнице выщерблены ступени, монтировщикам приказано ставить все вкривь и вкось. А в роли аванзанахеса используется ширма с графическим портретом глуповатого косоглазого лица в парике, названного Людовиком XIV. Причем губки французского короля зачем-то хулигански закрашены пунцовым цветом.

В самом действии не обнаруживается признаков не только театрального хулиганства, но и хоть какой-то фантазии. Актеры более или менее бойко докладывают или разыгрывают текст, режиссер весьма робко и предсказуемо развивает мизансцены. Габор Жамбеки не только «состарил» сценическую фактуру, но и поставил «Тартюфа» будто по старому учебнику режиссуры. Разве что сам Тартюф в исполнении актера Ерне Фектера не похож на традиционного обманщика-святошу — здоровый молодой мужчина, которому бы не ханжеские интриги плеши, а заниматься чем-нибудь общественно полезным. Притворство его очевидно для каждого: образок Христа у Тартюфа приклеен ко дну картонной коробки из-под конфет, крышки которой домашний тиран растворяет как створки складной иконки.

В изношенный, бесстыльный дом Оргона Тартюф вносит какую-то витальную силу, какую-то жизненную интригу. Поэтому ему, хаму и прохвосту, удивительным образом даже начинаешь симпатизировать. Правда, в финале режиссер намекает, что проделки Тартюфа не просто личная инициатива авантюриста, но часть какой-то неведомой нам государственной заботы. Ведь посланец короля, пришедший восстановить справедливость, пожимает руки не только членам

семьи Оргона, но и вроде бы посрамленному и арестованному обманщику. Причем удаляется королевский вестник вместе с Тартюфом. У Мольера королевская власть была противовесом религиозному ханжеству, у Жамбеки они выступают заодно. Охранники — в темных очках. Офицер — в современном костюме, с повадками молодого карьериста. Портрет Людовика XIV в финале грозно нависает над сценой и светится снаружи, будто громадный витраж в храме. Неужели весь мольеровский спектакль Габор Жамбеки ставил только для того, чтобы объяснить зрителю про беззащитность семьи в самодержавном государстве?

Гордый слоган «Лучшие спектакли лучших театров Европы» красуется на афише фестиваля. Союз театров Европы проводит свои фестивали ежегодно, в одном из городов, где у союза имеется театр-член. Санкт-Петербург уже десять лет имел право принять этот фестиваль — с тех пор, как в престижное сообщество пригласили Малый драматический театр Льва Додина. Заполучить фестиваль удалось только теперь, в честь юбилея города. И пока здесь игрались спектакли самого додинского театра, мемориальный «Арлекин» Джорджо Стрелера и московская «Двенадцатая ночь» в постановке Деклана Доннеллана, публика радовалась и жила ожиданиями лучших театров. Но уже отыгравшие на фестивале Финский национальный театр, барселонский театр «Ллиуре» и международная финско-венгерско-греческая копродукция «Вакханки», судя по отзывам дисциплинированных питерских критиков, остудили все ожидания. Президентский «Тартюф» и вовсе поставил вопрос ребром: что же в представлении Европейского союза, покровительствующего Союзу театров Европы, обозначает слово «лучший»? Во всяком случае, ясно, что лучшим в театре никто не становится навсегда.